

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

Выпуск 12

ДЕНЬ ЗНАНИЙ в Университете

1 сентября 2006 года

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 4 от 01.11.06

**Санкт-Петербург
2007**

И. Д. С. ЛИХАЧЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРАЖДАНИН, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ. ГОРИЗОНТЫ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

*ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской Академии образования,
доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ*

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ: МНОГОГРАННОСТЬ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Дмитрий Лихачев производил на людей особенное впечатление. Говорил он очень тихо, но излучал невероятную внутреннюю силу, внушавшую благоговение. Физическая слабость пожилого человека только подчеркивала внутреннюю мощь: скорее даже не просто интеллектуальную, а нравственную, духовную.

Дмитрий Сергеевич обладал харизмой совершенно особого рода — не той, что приводит в экстаз фанатов рок-музыки или революционной толпы. Его харизма вызывала в душах людей светлый резонанс, ощущение причастности к Добру.

Родись такой человек в иную эпоху, возможно, он был бы признан святым. Но Дмитрий Лихачев стал ученым.

Лихачев сам прочертил траекторию своей жизни, в любых ситуациях избирая нравственно возвышающие решения. Сотоварищ академика по семье почетных докторов нашего университета Мстислав Ростропович как-то процитировал студентам СПбГУП фразу, услышанную им в беседе от Папы Римского: «Вы стоите на лестнице жизни, и каждый ваш шаг — это шаг вверх или вниз. Проблема — делать шаги только к Небу». Лихачев не уставал делать шаги к Небу и стал тем, кем он стал.

Я думаю, что секрет особенного влияния Лихачева на людей — в уникальном сочетании в нем природных основ и их социального, культурного развития. Уровень, которого он достиг как личность, делал абсолютно излишними любое притворство, изображение показного величия, наукообразия и т. д. Хотя, может быть, и уровень этот был достигнут благодаря цельности натуры, высочайшей концентрации человеческого

начала. Как бы то ни было, находясь рядом, каждый безошибочно чувствовал в нем настоящего Человека.

Творческая жизнь Д. С. Лихачева поразительно многогранна. В нем самым замечательным образом сочетался ученый с общественным деятелем, организатор науки с педагогом, просветитель с гражданином.

К сожалению, с некоторых важных позиций научное наследие Лихачева до сих пор не исследовано. Поэтому в нашей сегодняшней встрече я попытаюсь тезисно, схематично наметить самое главное, что происходит на переднем плане исследований, связанных с научным наследием Дмитрия Сергеевича. Здесь, как выяснилось, нас ждет много неожиданного.

Дмитрий Сергеевич Лихачев впервые пришел в наш Университет в конце 1992 года, очень обстоятельно познакомился с нами, и Университет ему понравился — прежде всего тем, что, по его словам, он «живой», здесь «живая» наука. Особенно его заинтересовало и увлекло то обстоятельство, что наука в наших стенах соединена с искусством, культурой, занимается осмыслением искусства и культуры — данное обстоятельство очень важно для развития Университета. Академик Лихачев назвал наш вуз университетом будущего, университетом XXI века и принял предложение стать нашим Почетным доктором. Отмечу, что Дмитрий Сергеевич до этого являлся Почетным доктором ряда самых престижных университетов мира, а у нас в России он так и остался Почетным доктором лишь одного — Гуманитарного университета профсоюзов. Он сотрудничал с нами до конца своих дней. Ушел из жизни академик Лихачев 30 сентября 1999 года.

Готовясь к 100-летию Дмитрия Сергеевича, которое все прогрессивное человечество, по крайней мере весь славянский мир, празднует 28 ноября этого года, мы издали книгу «Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов» (эти материалы появились в ходе сотрудничества Дмитрия Сергеевича с нашим коллективом), а также сборник исследований ученого «Избранные труды по русской и мировой культуре».

Дмитрий Сергеевич не был «свадебным генералом», хотя, конечно, посещал наши праздничные мероприятия в качестве почетного гостя. Его вхождение в университетское сообщество произошло 19 мая 1993 года с прочтения на этой самой сцене лекции «Петербург в истории русской культуры». На мой взгляд, это серьезнейшая научная работа, осмысляющая историю Петербурга. Наше сотрудничество с Дмитрием Сергеевичем в науке началось с этой работы, а завершилось созданием Декларации прав культуры, о которой я скажу позже. Сейчас только отмечу, что Декларация — своего рода духовное, нравственное, научное завещание Дмитрия Сергеевича. Это документ, отдельные положения которого уже отражены в двух Конвенциях ЮНЕСКО, то есть приняты международным сообществом.

Активное присутствие Дмитрия Сергеевича в жизни, в работе нашего Университета заключалось не только в чтении лекций и в участии в научной работе. Лихачев обождал наши традиции, помогал их создавать, рекомендовал к нам на работу наших будущих профессоров. Так, заведующий кафедрой литературы, профессор, доктор наук и, я уверен, будущий академик Юрий Владимирович Зобнин пришел к нам из Пушкинского Дома, когда ему было всего 26 лет, именно по рекомендации Лихачева. Сегодня он — один из крупнейших в мире, авторитетнейших специалистов по Серебряному веку, то есть вполне оправдал доверие Дмитрия Сергеевича.

1. О национальном значении научного наследия Д. С. Лихачева

Далеко не все из того, что мы делали вместе с Дмитрием Сергеевичем, было должным образом оценено и нами, и другими современниками в тот период времени. Большое видится на расстоянии, и иногда для того, чтобы лучше оценить какие-то явления, нужна определенная историческая дистанция. Должен сказать, как это ни уди-

вительно, что в нашей стране не только обычные люди, но даже научное сообщество еще недостаточно хорошо знает Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это было первое, о чем я подумал, когда мы собрали в одно издание его исследования о культуре, и уже сам по себе этот сборник дал мощный импульс к осмыслению научного наследия Лихачева. Им опубликовано много работ, но нет полного собрания сочинений. Каждый, кто хочет познакомиться с его научной деятельностью, сталкивается с тем, что наследие Лихачева доступно лишь в виде отдельных книг и статей. Не знаю, когда будет издано полное собрание сочинений Лихачева, поскольку это очень большая и серьезная работа.

Тем не менее нам удалось собрать воедино в одном сборнике крупнейшие работы Лихачева о культуре, и в результате мы совершенно по-иному смогли посмотреть на научное наследие Дмитрия Сергеевича. Какими фактами располагала до этого наша наука? Было известно, что Лихачев — выдающийся ученый-филолог, исследователь «Слова о полку Игореве», специалист по древнерусским текстам. Было также известно, что это общественный деятель, человек, который радеет за культуру; общественное сознание представляло его большей частью в виде неких штампов: «совесть нации», «последний русский интеллигент» и т. д.

Любопытное обстоятельство: за последние пять лет вышло два Указа Президента России, посвященных увековечению памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Ни в современной истории России, ни в Советском Союзе, ни в досоветский период — вообще никогда в нашей истории не было двух указов главы государства, посвященных увековечению памяти какого-либо ученого. После ухода из жизни Дмитрия Сергеевича мы в Университете инициировали этот процесс, нас поддержал тогда Даниил Александрович Гранин. Второй Указ Президента был инициирован Даниилом Граниным.

Я думаю, дело не в том, что Владимир Путин лично знал Лихачева, лично знает Гранина и сам он из Петербурга. Природа вещей существенно глубже. Я думаю, что **работы Дмитрия Сергеевича Лихачева, и в первую очередь исследования о культуре, дают нам в России особые возможности для национальной самоидентификации.** Распад Советского Союза поставил перед нами серьезные вопросы: кто мы такие, что мы за

народ, зачем мы пришли в эту жизнь, какова дальнейшая судьба, будущее России? Для нации, для страны, для национального самоопределения, для людей, спрашивающих не «Кто я такой?», а «Кто мы такие?», работы Лихачева — прежде всего посвященные культуре — предоставляют особенные возможности. И Владимир Путин это понял раньше, чем наша наука. Если обратиться к тексту второго Указа, то в нем говорится о Лихачеве как о великом ученом — шире, чем просто литературоведе, — и стране предлагается почтить его память не как литературоведа, а как ученого, работающего в сфере гуманитарных наук. Это принципиально иной, значительно более широкий взгляд на научное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева. Если быть точным, то **президент предложил стране «отметить вклад Лихачева в гуманитарную науку, культуру, образование».**

Дмитрий Сергеевич совершенно не случайно в трудное для страны время (вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов) оказался чрезвычайно востребован обществом, практически **превратился во властителя дум и национального лидера.** Я думаю, это было связано не только с особой нравственной позицией ученого, и не только с тем, как он эту позицию формулировал.

Когда общество пребывало в растерянности, выяснилось, что **Лихачев знает ответы на многие острейшие вопросы.** В ответах на вопросы, которые стране задавала жизнь, академик опирался на Научное Знание. Его воспринимали как мессию, как пророка. Он никогда не сыпал какими-то особыми цитатами, а говорил: «Я считаю, надо сделать вот так. Я считаю, что это — добро, а это — зло». И люди ему верили. Но не потому, что он обладал какой-то особой харизмой или методами гипноза, подобно проповедникам некоторых американских сект, которые умеют «промывать мозги» своим слушателям. Нет, отечественная аудитория чувствовала, что за Дмитрием Сергеевичем стоит светлое начало, происходящее от Научного Знания. Надо сказать, что в то время именно ответы Лихачева на злободневные вопросы оказались наиболее убедительными.

В этом и основа особенного отношения народа к фигуре академика Лихачева — можете поинтересоваться у старших членов вашей семьи, у своих близких. Между прочим, когда полгода назад, в преддверие столетия Лихачева провели опрос по всей стране, то люди, в том числе и молодежь,

школьники, в качестве символа российской науки на первое место поставили именно **Лихачева.**

Лихачев считал, что культура — главное в жизни любой страны, любого народа и любого государства, и это принципиально важно. Если бы вы меня спросили: «В чем особенность современного научного взгляда на труды Лихачева?», я ответил бы, что **рядом с Лихачевым-филологом, очень крупным, масштабным ученым, академиком, встал не менее масштабный ученый — Лихачев-культуролог. Дмитрий Сергеевич Лихачев — величайший российский ученый-культуролог XX века.**

Это утверждение, должен вам сказать, еще полгода назад было не так очевидно и просто. Прежде его не считали культурологом, только литературоведом. Более того, культурология — новая, очень современная наука, которая сформировалась в более-менее законченном виде только в последние десятилетия XX века. В нашей стране много ученых-гуманитариев, в том числе очень крупных, которые учились в университетах в 1960-е, в 1950-е годы, в довоенный период. Тогда в университетских программах еще не существовало предмета «культурология», а затем у части этих людей не было возможности или времени заинтересоваться данной наукой. Поэтому многие из них до сих пор не знают (и уже не все узнают), что эта наука из себя представляет. Это — издержки специализации. **Лихачев же, будучи прекрасным специалистом, являл собой еще и редкий пример ученого-энциклопедиста.** Отсюда — и особое значение результатов его деятельности для страны.

2. О научном методе Д. С. Лихачева

Козьма Прутков в свое время подметил, что «специалист подобен флюсу». Это, конечно, шутка, но в ней есть доля правды. **В современном научном знании существует тенденция углубления специализации:** профессионал изучает одно явление в науке, оставляя вне зоны своих интересов очень много других вещей. Впрочем, одновременно с этой тенденцией существует и **другая — интеграция научного знания, когда появляются очень крупные ученые, которые объединяют научное знание, работают на стыке разных наук, проводят междисциплинарные исследования. Лихачев относился именно к таким ученым.**

Но вырос он, безусловно, из литературоведения, с 1930-х годов и до ухода из жизни работал в Пушкинском Доме, исследуя памятники древнерусской литературы. Правда, он быстро вышел за рамки собственно литературоведческих исследований, так как понял, что **нельзя изучать литературу вне общего культурного процесса**. Нельзя рассматривать культурную ситуацию только в момент создания памятника, надо обязательно посмотреть, что было до, что стало позже, то есть речь идет об **историческом подходе**. Так что к моменту написания докторской диссертации, а это конец 1940-х годов, Лихачев сформировался и как крупный специалист по истории культуры. Литературные произведения он не отделял от контекста истории культуры, и данный метод принес ему всемирную известность.

В литературоведении вообще не все просто. В 1918 году была написана знаменитая до сих пор статья Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя», и после ее появления отечественное литературоведение разделилось на две мощных ветви. Исследователи, принадлежащие к первой ветви, рассматривают литературные произведения именно по принципу «как это сделано»: анализируется художественность, структура текста, употребление слов и т. д. Второй подход заключается в следующем: почему, например, в той же «Шинели» Гоголь ввел именно такой персонаж, как он соотносится с другими, кто из них положительный, кто отрицательный, с чем или кем связана та или иная коллизия — и все это на фоне широкого общекультурного контекста.

Теперь вам должно быть понятно, почему некоторые литературоведы утверждали, что работы Лихачева о культуре — всего лишь некое хобби, а настоящая его деятельность — это исследование древнерусских текстов. Но оказывается, что это совсем не так. И для того чтобы вы осознали, насколько сложный спор идет в академической науке, я приведу цитату из статьи британского ученого-слависта, профессора Робина Милнера-Гулланда, которая была опубликована в 2000 году в шеффилдском журнале «Славоника»: «В своем подходе к науке Д. С. Лихачев не является типичным исследователем “исторических проблем”, то есть он не из того сорта ученых, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления и затем переходят к следующему. Некоторые интеллектуально привередливые

читатели были удивлены и скептически настроены к этому свойству его научного метода. Они не понимают, что его задачи и методология имеют характер, принципиально отличающийся от того, что они привыкли считать интеллектуально respectable-ным»¹.

Значит, все, что сделано Лихачевым за рамками классического литературоведения, определенная часть литературоведов считает в глубине души «интеллектуально нереспектабельным». Сам же британский ученый, как это следует из его статьи, полагает, что работы Лихачева за пределами литературоведения очень важны, но с некоторым смущенным трепетом относится к тому, что Лихачев разрушает одну из академических традиций, сложившихся в этой отрасли научного знания, выходит за рамки классического литературоведения и начинает интересоваться совершенно иными вещами, достигая при этом поразительно выдающихся результатов.

Любопытный факт: некоторые называют работы Лихачева о культуре публицистикой, звучит это утверждение примерно так: «Есть лихачевское литературоведение, а все остальное — это публицистика». Но сегодня **лихачевская «публицистика» оказывается не менее научной, чем его литературоведение**. Другое дело, что в работах о культуре ученый не использует так называемый «птичий» язык — это когда терминов столько, что для непосвященного читателя теряется смысл текста. Лихачев пишет предельно просто, ясно, но от этого не менее научно.

Должен отметить, что путь «кропотливого анализа», о котором говорит Милнер-Гулланд, во второй половине жизни оказывается Лихачеву не всегда интересен, — ученый нередко предпочитает то, что я бы назвал **прямыми интуициями**. (Иногда в той или иной жизненной ситуации нам не надо очень долго обосновывать, почему одно хорошо, а другое плохо, можно прямо сказать: «Я считаю, что это хорошо, а вот это плохо».) Но такая позиция предполагает наличие очень серьезного научного багажа. Полагаю, что высказывая те или иные научные идеи, Дмитрий Сергеевич во второй половине своей жизни уже имел право не особенно утруждать себя доказательствами.

¹ *Mulner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 143.*

Результаты же впечатляют: если кто-то потом хочет проверить ту или иную его научную идею, доказательств правоты Лихачева находится множество, а возражать ему оказывается трудно. Таким образом, великий ученый идет к истине каким-то своим, уникальным, предельно простым и кратким путем.

Оказавшись в гостях на даче у Дмитрия Сергеевича в 1995 году, я был поражен тем, что он, уже в очень почтенном возрасте, каждый день сидел за письменным столом и работал. И второе, потрясшее меня обстоятельство: Лихачев практически не использовал первоисточники, он уже знал столько и так хорошо, что ему не требовалось открывать какую-либо книгу и заниматься ее цитированием.

3. Особенности культурологических воззрений Д. С. Лихачева

Я представлю вам упрощенно культурологические воззрения Д. С. Лихачева в виде нескольких утверждений.

Первое. Лихачев — создатель собственной теории культуры, весьма цельной и оригинальной. Я бы сказал, что это российская (в полном смысле слова) культурология. Дело в том, что на ранних этапах своего становления российская культурология формировалась в основном под влиянием американской этнографии. Российскую культурологию, **лихачевскую культурологию** от американской отличает более широкое, объемное видение культуры и акцентированное внимание к проблемам человеческой личности, гуманизма, к проблемам добра и зла.

Второе. Лихачев понимает культурологию как разновидность универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия. В этом смысле он возвращает в культурологию классическую научную традицию, в русле которой культурой считается все, что создано руками и разумом человека, прошу это отметить. Естественно, не все явления культуры имеют одинаковую ценность, но Лихачев говорит нам о том, что **культура целостна**, это принципиально важное положение, которое он потом развивает в Декларации прав культуры. Нельзя из культуры изъять какую-то часть, не повлияв на ее остальные компоненты. **Понять суть отдельного явления в культуре можно только в контексте системного целого;** само по себе явление не может быть рассмотрено в отрыве от всей культуры, в рамках которой оно существует.

Третье. Д. С. Лихачевым создана особая теория концептосферы русского языка. У него есть очень интересное высказывание — Дмитрий Сергеевич цитирует Гейне и далее говорит: Гейне заметил, что в Италии музыка создала нацию, **в России же нацию создала литература.** Почему в России литература создала нацию — вопрос особый, требующий изучения, и я думаю, что в ближайшее время появится целый ряд работ, которые помогут уточнить сложные, многообразные и интересные связи между литературой и культурой. Однако уверен, что основываться они будут на фундаментальном исследовании Лихачева «О концептосфере русского языка».

Ученый говорит о том, что концепт возникает не из словарного значения слова, а из соприкосновения этого значения с нашим обыденным опытом, то есть разные люди по-разному понимают одно и то же слово. Приведу пример. Что означает слово «колеса»? Один человек скажет: это то, что находится в нижней части автомобиля. А другой — что это таблетки, за которые забирают в милицию.

Лихачев говорит о том, что в слове, в наборе слов, **в языке очень своеобразно отражается мир явлений, существующих вокруг нас. У языка и у жизни совершенно особенная связь.** Кто заинтересовался, читайте «Концептосферу русского языка».

Четвертое. Дмитрий Сергеевич был человеком верующим. Я не призываю вас верить в Бога, тем более что университеты, как правило, тяготеют к естественно-научной модели мира, но замечу, что понятия добра и зла не вытекают из знания. Наука только изучает добро и зло, а понятия добра и зла соотносятся с той или иной верой. В ряде работ Лихачева заметна религиозно-христианская составляющая его воззрений. Должен сказать, он сожалеет, что элементы культуры, связанные с религией, с приходом советской власти исчезли из образовательных программ учебных заведений, и считает, что это привело к обеднению образования. К этому можно относиться по-разному, многие мысли академика дискуссионны, но сказать об этом я считаю необходимым.

Пятое. Лихачев сделал необычайно много для постижения исторических закономерностей развития культуры. Развитие культуры не линейно. Понятие прогресса не является безусловным, есть разные взгляды на то, как развивается человечество, как развивается культура. Кто-то считает, что она движется вперед подобно локомотиву, и та-

щит за собой человечество, есть мнение о том, что культура развивается по спирали... У Лихачева свой, особый взгляд.

К примеру, он говорит, что культура как бы «прорастает» изнутри, старая культура «прорастает» в современную. Это очень любопытный, и главное, наглядный образ. Дмитрий Сергеевич объясняет интересные вещи, на которых я сам себя много раз «ловил» и удивлялся. Например, 70 лет наша страна жила изолированно от религии, в церковь ходили только бабушки; но когда случайно или из любопытства оказываешься в церкви, то испытываешь ощущение почти родного дома, несмотря на то, что тебя воспитала пионерская организация в духе отрицания Бога, христианства. А буддистский храм — совершенно не твое. В католическом же костеле много знакомого, но не столь близкого тебе, как в православном храме.

Есть образы, есть культура, есть символы, которые продолжают жить вместе с нами. Культура совершенно по-особому «прорастает» в людях, в этносе, и через работы Лихачева легко понять, как это происходит.

Ученый интересно пишет о реформах Петра, я позже на этом остановлюсь более подробно. Так случилось, что наше прошлое время благодаря Петровским реформам и мифам тех времен — то, что было до Петра, — стало оцениваться со знаком минус: отсталая культура, неопрятные мужики, бороды, грязь, азиатчина... На самом деле в Древней Руси была и высокая культура. Лихачев показывает, как эта культура вопреки официальному отрицанию «прорастает» в Новое Время.

Шестое. Академик Лихачев сделал серьезный вклад в развитие методологии историко-культурного исследования, ему принадлежит особый взгляд на динамику культурных процессов. Мир культуры огромен. У него много разных сегментов. Живопись, архитектура, скульптура, музыка, литература развиваются по-разному, а Дмитрий Сергеевич выстраивает очень интересные параллельные ряды и показывает, как, например, развитие архитектуры влияет на литературу, и наоборот, что вообще происходит с культурой, какие идут динамические процессы взаимовлияний, как протекает диалог культур.

Седьмое. Лихачев развивал теорию о том, что явления культуры живут в рамках больших культурных комплексов. Сегодня для этого имеется термин «субкультура» —

культура внутри большей культуры, возможно, имеющая свои отдельные культурные подпространства. Например, существует общая культура нашего народа, а в ней — молодежная и людей старшего возраста: взрослые иначе одеваются, иначе себя ведут, иначе распоряжаются свободным временем.

4. Вклад Д. С. Лихачева в осознание сути российской культуры

Российское общество уже не один десяток и даже не одну сотню лет задает себе чрезвычайно важный — и простой вопрос. Кто мы, Россия? Мы — Европа? Мы — Азия? Мы — нечто среднее между Европой и Азией, как говорят, — евразийцы? У любой из названных точек зрения (существует, кстати, и четвертая — Россия сама по себе огромная самобытная страна, ни на кого не похожая) есть авторитетные сторонники. Например, Лев Гумилев считал, что Россия — это Евразия. Лихачев отвечает на этот вопрос коротко и просто: «Мы — Европа». Более того, как можно понять из его работ, **Россия — это самая европейская страна в Европе**, а то, что половина нашей державы лежит за Уральским хребтом, — это свойство географическое, а не культурное. Надо уметь различать культуру и географию: жизнь во Владивостоке очень мало отличается от жизни, например, в Пскове и Новгороде, и там и здесь по сути одна и та же культура, именно это утверждает Лихачев.

Ученый выделяет в развитии России несколько чрезвычайно важных периодов, и один из них — это усвоение христианства. Я процитирую его слова: «В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. С юга, из Византии и Болгарии пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера другая языческая дружинно-княжеская военная культура — Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией»².

Эта точка зрения интересна потому, что любой, кто добросовестно, с интересом изучал историю в школе, вправе спросить: «Как же так? Какая еще Скандовизантия, когда здесь было татаро-монгольское иго? И кочевники не оказали никакого влияния?» Ака-

² Лихачев Д. Культура как целостная среда // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 359.

демик Лихачев говорит: «Да, они правили. Да, Россия платила им дань, но культурного влияния они не оказали практически никакого», — такова его точка зрения. Для кого-то это спорное утверждение, и в полемике по данному поводу нет ничего плохого. Татаро-монгольское иго для России в культурном плане было явлением чужеродным, и как только его удалось сбросить, наша страна за несколько десятилетий восстановила все, что было до нашествия. Причем с чрезвычайнейшим интересом и вниманием к своей истории, искусству, и в первую очередь отстроили сожженные храмы — те, которые смогли, многие храмы сделали еще лучше и т. д.

Наступило почти Возрождение, или, как его называет Дмитрий Сергеевич, «Предвозрождение». У Лихачева есть интересная теория российского Предвозрождения. И он убедительно показывает, почему у нас не было Ренессанса, аналогичного европейскому, — Иван Грозный остановил.

Думается, **одно из важнейших научных достижений академика Лихачева — создание стройной и обоснованной теории происхождения и развития российской культуры в ее европейском и общемировом контексте.** Размышляя о России, Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что родовыми европейскими признаками ее культуры являются: **личностное начало, открытость и восприимчивость к другим культурам, свобода творческого самовыражения.** Вместе с тем **многонациональность и соборность** — Лихачев воспринимает соборность как уникальное проявление христианской склонности к общественному и духовному началу, — а также **устремленность в будущее и неудовлетворенность настоящим** являются отличительными чертами русской культуры, которые определяют ее особое место в мире.

Прокомментирую два положения из сказанного. Единственная религия, в которой поклоняются Богу-личности (Иисусу Христу), — это христианство, отсюда и высокая роль в европейской культуре личностного начала. Что касается соборности, то Лихачев предлагает необычную трактовку. Многие считают, что соборность — исключительно русское явление, а по мнению ученого — нет: у нас сложилась лишь его специфическая форма. Пришло же это явление к нам из Европы.

Академик Лихачев немало сделал для понимания культуры Петербурга. Обращусь к лекции «Петербург в истории русской культуры», прочитанной в этом зале 19 мая

1993 года при посвящении Дмитрия Сергеевича в Почетные доктора нашего Университета: «Нам говорят, что Петербург по своему внешнему облику самый европейский из русских городов. <...> Да, это так, но и не так! <...> Он самый русский среди русских и самый европейский среди европейских городов!»³ По его мнению, в этом городе слились лучшие европейские и российские черты. И действительно, если прочесть лекцию Лихачева (она опубликована в изданных нами книгах) и потом пройти по Петербургу, то начинаешь смотреть на город немного другими глазами: где в нем влияние древнерусского зодчества, а где — Европы и т. д. По мнению Дмитрия Сергеевича, **здесь произошло соединение европейских и русских принципов градостроительства, и к ним добавились лучшие традиции допетровской Руси.**

Самый европейский и самый русский город, **вершина** развития отечественной архитектуры и культуры — вот так воспринимает Петербург Дмитрий Сергеевич Лихачев. Называет он и некоторые другие, очень важные черты, такие как **академизм** и **профессионализм**, способствующие становлению и развитию нашего города. Лихачев говорит, что практически все мировые стили: литературные, художественные, архитектурные — в Петербурге принимали академические, **классические черты.**

До Петра в России не было ни своей науки, ни университетов, именно этим допетровская Русь существенно отличалась от прочей Европы. В петровское время огромное внимание уделяется науке, образованию, и как результат — становление особого петербургского профессионализма.

Отсюда же и **особый менталитет**, и особая благородная сдержанность, культура поведения, свойственная его жителям до 1980-х годов. Особенная порода людей — отзывчивых, деликатных — жила в этом городе, и из работ Лихачева очень хорошо видно, почему так сложилось.

В особенном городе, который стал своего рода шедевром мировой культуры, появилась и особая группа людей, которую стали называть интеллигенцией. Из работ Дмитрия Сергеевича — а у него есть специальные труды, посвященные интеллигенции — становится понятным, что такое интеллигенция и почему она появилась именно в этом городе.

³ Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006. С. 12, 24.

Академик Лихачев отмечал три присущих интеллигенции свойства. Это **образованные люди с обостренным чувством совести, интеллектуально независимые**. Интеллигенция, по Лихачеву, сформировалась в Петербурге закономерно.

5. Историческая концепция Д. С. Лихачева

Взгляд Дмитрия Сергеевича на мир — это **взгляд историка**, историка культуры. Мы с вами понимаем, что история бывает различной, например история автомобилестроения или история Фрунзенского района и т. д. Как правило, история в нашем представлении — это набор повествований о войнах, захватах земель, о том, кто занял престол, кто организовал тот или иной переворот. После чтения школьных учебников создается впечатление, что на протяжении всей своей истории люди только и делали, что убивали друг друга, грабили, уничтожали, и в общем это нередко было близко к действительности. По Лихачеву — все наоборот, значимость тех или иных исторических событий определяется их принадлежностью к культуре. И главное — это не кто кого уничтожил, а кто что создал, какие появились достижения человеческого духа и мысли. **История, по Лихачеву, культуроцентрична**. Ученым была разработана целостная, глубоко осмысленная и прочувствованная историческая концепция.

Лихачева-историка ценили всегда, но в академических кругах ценили Лихачева — историка литературы. Сегодня следует расширить представление о Лихачеве — как исследователе истории культуры человечества. Надо заметить, что исследуя летописи, **Лихачев совершенно по-новому определяет связь литературы и истории культуры**.

В свое время Дмитрий Сергеевич в качестве редактора издательства Академии наук должен был подготовить рукопись посмертного издания обширного труда академика А. А. Шахматова «Обзорные русские летописные своды XIV–XVI вв.». В результате у него возник интерес к другим работам Шахматова, а затем и к широкому кругу вопросов, связанных с историей древнерусского летописания. Шахматов считал, что стиль написания рукописей не менялся со временем, однако Лихачев заметил, что это не так. Внимание привлекло и то, что первые летописи были обезличены, у них нет автора. Авторство появляется — то есть тек-

сты подписываются — значительно позже. Значит, развивается личностное начало.

Дмитрий Сергеевич связал развитие стиля написания летописей с ходом истории. Он отметил также, что **«литература — это часть истории, но это еще и ее свидетель, ее участник и творец»**. Более того, Лихачев иначе, не так, как другие историки, отнесся к вымыслу и художественности в литературе. По существовавшему ранее мнению, то, что человек придумал, нельзя рассматривать в качестве исторического свидетельства. А Дмитрий Сергеевич считает по-другому: **и вымысел, и художественность сами по себе являются историческими фактами**. Он говорит, что субъективная включенность литературных памятников в культурно-исторический контекст эпохи делает их особым историческим источником. Подчеркну — источник, но только особый.

Субъективный характер авторских оценок, суждений лишь усиливает привлекательность этого источника. Приведу высказывание ученого дословно: «Ни одно произведение прежних веков не может быть объявлено плохим историческим источником. Нет плохих исторических источников, есть только плохие источниковеды»⁴.

Детализируя это положение, Лихачев отмечает: «Само произведение — это осколок прошлого и в качестве такового является свидетельством ошибочных или недостаточных представлений, существовавших о прошлом, памятником общественной мысли прошлого, свидетельством об эстетическом уровне прошлого и т. д.»⁵. Яростные споры велись в свое время по поводу «Слова о полку Игореве». Довольно известные ученые заявляли, что это произведение — подделка. Лихачев тоже участвовал в полемике, заявляя: «Если “Слово” — сплошное вранье, то и это, как ни парадоксально звучит, представляет собой источник чрезвычайного значения: вранье — свидетельство психологии своего времени». И далее — его заключение: «Ибо в каждом обмане есть своя тенденция: общественная или просто эстетическая»⁶. Значит, можно изучить историю и понять, с какой целью люди обманывают.

⁴ Лихачев Д. С. К вопросу о «Слове о полку Игореве» как историческом источнике // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 176.

⁵ Там же. С. 176–177.

⁶ Там же. С. 178–179.

Конечно, сам академик Лихачев «Слово о полку Игореве» враньем не считал, относя его к важнейшим памятникам древнерусской литературы. Тем не менее в этом споре расширяется представление о том, что такое литература и что она означает для истории.

Еще раз подчеркну, Лихачев создает культуроцентричную концепцию истории. При этом **в культуре его привлекает возвращение лучшего, а лучшее для него — это синоним гуманного. Отсюда и оценка им исторических личностей.** Мы говорим, что об исторических персонажах надо судить в соответствии с законами своего времени. Если рассуждать иначе, то окажется, например, что хан такой-то подавил восстание и отрубил пять тысяч голов. Молодец! Вот этот храбрый, вон тот сильный... А Лихачев говорит по-другому: «Надо судить с точки зрения того, что человек сделал гуманного, хорошего». И тогда, допустим, Иван Грозный или Сталин оказываются у Лихачева отрицательными персонажами истории. А «плюсы» Петра I, касающиеся развития культуры, намного перевешивают «минусы», хотя мы знаем, что в его эпоху тоже были казни, под пытками гибли люди.

Дмитрий Сергеевич Лихачев пересматривает оценки не только отдельных личностей, но и целых эпох, дает им другие оценки, нежели принято в нашей исторической науке. Например, говоря о времени после татаро-монгольского нашествия — Предвозрождении — ученый показывает, насколько это был крупный, интересный период в нашей культуре. А насколько интересна оценка Лихачевым роли Петра! Вот что он пишет про эту эпоху: «Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия. Приведу один из напрашивающихся примеров — Петровские реформы. Для их осуществления потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории. Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России костной, малоподвижной и так далее. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась». И еще одна цитата: «Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось... Создателем мифа об истории России был Петр

Великий». И далее: «В мире не было еще мифа о народе и его истории такого устойчивого, как тот, что был создан Петром»⁷.

Любопытная трактовка. Читая это, сразу начинаешь думать, сопоставлять — а что у нас случилось с оценкой советского периода? Все, что было в советское время, сейчас признается ужасным, хотя если присмотреться повнимательнее, то окажется, что многое было прекрасным.

Так что все-таки случилось с реформами Петра I? Лихачев выдвигает яркую версию. Общепринятая точка зрения такова: России якобы требовалось перейти в передовую и просвещенную Европу от отсталости, от «азиатчины». Но, по мнению Лихачева, Россия никогда не была азиатской страной, просто в силу ряда особенностей исторического развития задержалась в средневековье. И ей надо было перейти к Новому Времени. Как это сделать?

В нашем Университете один молодой ученый на материале лихачевских трудов написал работу: «Петр I как гений российского пиара». Любопытно, да?.. В России в то время назрели существенные перемены. Отстала европейская страна Россия в своем развитии от Центральной Европы, прежде всего, в плане науки, образования, культуры. Зачем Петру надо было заставлять бояр брить бороды, а их дочерей «пить кофий»? Ехать недорослям учиться в Европу — еще понятно, но зачем вводить новый флаг, строить новую столицу на болоте да еще и называть ее на иноземный манер — «Питербурх», переодевать армию и т. д. и т. п.? «Петр I, — пишет наш ученый (он специалист по рекламе, поэтому и использует соответствующие термины), — произвел тотальный ребрендинг России». А теперь вернемся к Лихачеву: «Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он умел придавать **демонстративный** характер... всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит — это смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он переделал армию, он переделал народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский»⁸. «Эта смена знаковой системы, — пишет Лихачев, —

⁷ Лихачев Д. Русская культура в современном мире // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 192.

⁸ Лихачев Д. Петровские реформы и развитие русской культуры // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 165.

ускорила происходящие явления в культуре. Она придала процессам, происходящим до того в полуосознанной форме, сознательное направление»⁹. Куда? На Запад. Далее: «Петр I не был первым, кто поднял спор новой России со старой Русью, но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился... к тому, чтобы... утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота. <...> Все перемены облекались в демонстративные формы»¹⁰.

Как Петр I должен сообщить народу, что мы «идем на Запад», что мы догоняем Европу? Об этом никто сейчас особо не задумывается. А вы представьте себя на его месте — никакой системы массовых коммуникаций, не выступишь по телевизору, не напечатаешь постановление в газете. Петр I задействует народную молву. Вот вам интереснейший способ изменения бренда России — все начинают говорить о чудакотом царе, который бороды бреет, участвует в каких-то ассамблеях и пр. Совершенно не такой, как все!

Петр I формирует свой имидж и с помощью административного ресурса запускает в действие механизмы народной молвы. И анализируя то, что написал Лихачев, а также все, что нам известно про Петровскую эпоху, мы приходим к переосмыслению этого времени. Петр I — опять процитирую Лихачева — «воспринимался как творец современной России, которая оказалась противоположностью древней»¹¹. Царь в стране, где нет ни одного университета и нет науки, начинает лично заниматься ремеслами и наукой, тем самым поднимая их статус. Эти занятия становятся престижными в первую очередь для знати. А он дает понять, что и люди из простого народа могут стать знатью, если будут заниматься наукой и ремеслами.

Это — своего рода **культурная революция**. Да, конечно, революционные изменения в промышленности и прочем очень важны. Но Петр начинает с изменения знаковой системы. Он поступает с культурными символами таким образом, что они начинают восприниматься как своего рода указательные знаки для всей страны — двигаться туда, на Запад, где нет бород, где но-

сят иную одежду, где иные, более современные представления о жизни, где занимаются наукой и ремеслами. И чего в результате добивается Петр I? По мнению Лихачева, Петр I добивается того, что страна при его жизни совершает путь, на который в обычном развитии понадобилось бы семь поколений. Вот такая любопытная трактовка Петровских реформ.

Интересно сравнить учение Лихачева о культуре с учением Дарвина о естественном отборе. По Дарвину, в результате естественного отбора побеждает сильнейший. А по Лихачеву, в культуре — наиболее человеческий, Человек с большой буквы. Казалось бы, вся история человечества — сплошные войны, грабеж, насилие. Но в культуре постепенно возвращается все лучшее — средствами искусства, литературы, средствами других ее форм. Человечество становится все более гуманным на протяжении своей истории, хотя были периоды, когда отдельные народы просто вытаптывали другие, ничего не оставляя от их культуры. Совсем недавно, чуть больше 60 лет назад, фашисты сожгли город Пушкин — Царское Село. Уже в наше время американцы пришли в Багдад и сожгли его лучшие дворцы. Уничтожены национальные ценности, древняя культура. Но в целом магистральное развитие культуры идет наверх, и **в итоге в культуре побеждает лучший, наиболее гуманный**. Так трактует Лихачев процесс развития культуры. И с ним нельзя не согласиться.

6. Лихачев и интеллигенция

Одной из самых ярких работ Лихачева стало его письмо «О русской интеллигенции» в журнал «Новый мир», опубликованное в феврале 1993 года. Напомню молодому поколению, о чем оно.

Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что направленный им в редакцию текст — «не статья, это именно письмо, в котором автор говорит, пусть и без строгого порядка, но так, как он представляет себе дело сегодня, как обязывает говорить его собственный житейский опыт». Между тем, ученый формулирует почти все основные элементы современных научных представлений об интеллигенции, оформившихся в постсоветский период.

Понятие «интеллигенция», по Лихачеву, чисто русское. Ученый не согласен, что ее следует считать социальной группой, слишком она разнородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и ис-

⁹ Лихачев Д. Петровские реформы... С. 168.

¹⁰ Лихачев Д. Русская культура нового времени и Древняя Русь // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 182.

¹¹ Там же. С. 172.

куства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем, ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие черты. Из принятого в советское время определения вытекало, что интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой. Но дальше выделялись черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это — свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании»¹². В России, в условиях деспотизма, такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Открыто выражать свои мысли трудно, а скрывать их — еще труднее. Отсюда особое отвращение к деспотизму, как специфическая черта русской интеллигенции: «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше»¹³.

Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Совесть в представлении Дмитрия Сергеевича — это «рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни»¹⁴.

Статья в «Новом мире» — настоящий гимн русской интеллигенции. Лихачев считает, что она в целом выдержала испытание смутными временами, несмотря на жесточайшие преследования: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной неизвестности, меня поражало и поражает до сих пор. <...> Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. <...> Два парохода понадобились осенью 1922 г., чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены

обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»¹⁵.

Читая лихачевские описания этого геноцида, невольно приходишь к сравнению с гонениями на христиан. Принципиальное отличие, пожалуй, в одном. Верующие в Христа были носителями хотя и сформировавшихся на огромном духовно-историческом материале (включавшем римскую философию), но все же новых и потому чуждых их противникам взглядов. Интеллигенты же отстаивали хорошо известные ценности, выработанные в ходе всего развития человечества. В этом плане гонители христиан были в общем-то вульгарными консерваторами, вполне обычными людьми своего времени. Гонители интеллигенции же выступали против сформировавшейся ранее традиции, против высшей в ряде отношений линии в развитии мировой культуры и оказались в своем роде «недолюдьми».

В середине 1990-х годов нам с профессором СПбГУП Владимиром Триодиным удалось организовывать ряд общественных дискуссий по проблемам интеллигенции с участием крупнейших российских мыслителей того времени. Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скатов, Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожинов и другие ученые и деятели культуры собирались для того, чтобы найти современные ответы на некоторые старые вопросы.

Материалы этих дискуссий были опубликованы нашим Университетом в 1999 году в книге «Судьба российской интеллигенции».

Не могу не отметить, что встречи эти проходили в обстановке исключительного демократизма и взаимного уважения. Все выступавшие пользовались заслуженной репутацией интеллектуальных светил общероссийского масштаба, и все же каким-то совершенно непостижимым образом Дмитрий Лихачев выделялся из этого ряда. Он вполне конкретно и наглядно опровергал Михаила Чулаки, проявляя харизму, правда — совершенно особого рода.

Каждая встреча с Лихачевым была событием. Дмитрий Сергеевич всегда приезжал на наши встречи заранее и терпеливо, безмолвно сидел, ждал начала, опираясь на трость. Научная дискуссия могла длиться два-три часа, и он нередко сидел все это время

¹² Цит. по: Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 374.

¹³ Там же. С. 371.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 376, 377.

молча, слушал. Затем брал слово и тихо говорил две-три минуты, но сказанное им потрясло. Не забуду, как во дворце Белосельских-Белозерских он вот так же тихо заявил, что сознание определяет бытие. До этого десятки лет марксисты твердили обратное, что бытие определяет сознание, а Лихачев вдруг сообщил нам: «Семьдесят лет нас воспитывали в пессимизме... Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью... Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как «Что ждет нас в будущем?» не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет»¹⁶. В зале было множество хорошо образованных людей, профессоров, и все слушали, затаив дыхание. Несмотря на существование философской традиции, содержащей подобную точку зрения, такое публичное заявление прозвучало как открытие. До сих пор помню, как у меня от его слов вдруг мороз прошел по коже. Казалось, что я слышу не человека, а голос какого-то высшего разума, вселенской мудрости.

На интеллигенцию Лихачев смотрит как на явление культуры. В его понимании, оно в своем генезисе однозначно связано с Петербургом.

Культурологическое исследование Санкт-Петербурга занимает особое место в трудах Дмитрия Лихачева. Ученый убежден, что суть петербургской культуры — не в похоти на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры. Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считал «его научную связь со всем миром». Это тоже превратило Петербург в «город общемировых культурных интересов».

Не случайно именно в Петербурге появился, получил развитие и особый, в ряде отношений высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция. По мысли Лихачева — это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России,

своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейской (христианской) традиции.

Без сомнения, во власти сегодня есть люди, относящиеся к интеллигенции с большой симпатией. В числе таковых я назвал бы в первую очередь Владимира Путина, востребованного на чиновничьи должности реальным ходом демократических перемен конца 1980-х — начала 1990-х годов. Два президентских указа об увековечении памяти Д. С. Лихачева — наглядное проявление его личных взглядов. Тем не менее чиновничество в целом, конечно, будет вести себя по отношению к интеллигенции как обычно: пытаться предельно цинично ее использовать, если не получится — дискредитировать. Бизнес же пока представляет себе взаимоотношения с интеллигенцией примерно так же, как новые русские со своими секретаршами в первой половине 1990-х годов.

Думаю, власть и бизнес могут пристроить к обслуживанию своих потребностей «образованцев», но не интеллигентов. Тем, кто этого не понимает, стоит вспомнить уроки XX века. В первой его части интеллигенция уничтожалась не экономически, как сейчас, а тотальными репрессиями. Казалось, согнули, сломали, подчинили, приручили. Но дело кончилось тотальным крушением режима. И кто был всем — стал ничем.

Вместе с тем, интеллигенции присущи не только положительные, но и отрицательные качества. Многие справедливо упрекают ее в пустословии, псевдогуманизме, рефлексивности там, где требуется действие, и во многом другом, за что интеллигенция в устах своих оппонентов получила эпитет «гнилая». Впрочем, я бы скорее переадресовал эти упреки «образованцам».

И все же с точки зрения законов дарвинизма, интеллигенция нередко бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, проигрывает в борьбе за существование. В ее поведении сказывается и противоречивый характер российского суперэтнуса — способность легко увлекаться яркими идеями и неумение педантично разрабатывать концепции и методы их реализации. В полной мере это сказалось в ходе революций начала XX века, идеологически подготовленных интеллигенцией. Сегодняшняя ситуация — не исключение. Благородный порыв к радикальному обновлению общества, выстраданный ею в 1960–1980-е годы, не будучи подкрепленным предвидением хода перемен

¹⁶ Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 69, 70.

и способностью им управлять, обернулся глобальным и разрушительным кризисом для страны.

Есть и иные проблемы: интеллигенция была объектом беспощадного геноцида на протяжении всего периода своего существования. Такое не проходит бесследно. К тому же, нарушены процессы «воспроизводства» интеллигенции. Прежде всего, ее перестали взращивать многие ведущие российские вузы, превратившиеся в очаги коррупции и «образованщины». Сегодня мы являемся свидетелями стремительного возрождения в молодежной среде сословия новых мещан — людей, стремящихся к безбедному и бесконфликтному существованию в социальной структуре общества. Их помыслы не сопряжены с какими-либо нравственными исканиями.

В этой связи нельзя не вспомнить беседы наркома Луначарского с рабочей молодежью. На вопрос аудитории о том, как стать интеллигентом, Луначарский ответил, что надо закончить три вуза. Каких — неважно. Но первый должны закончить бабушка и дедушка, второй — мама и папа, тогда после третьего могут появиться интеллигенты. Сегодня, похоже, и этот рецепт бесполезен.

Истощение слоя совестливых людей приводит к тому, что общество начинает жить суррогатами. Теперь власть пытается назначать своих лидеров для интеллигенции. И использует для этого «образованцев»...

Позиция интеллигента, думается, должна зависеть от того, что власть делает для страны и народа. Если власть действует во благо — надо быть вместе с ней, в противном случае — в оппозиции. Борьбась за власть и идти во власть — не дело интеллигенции. Пребывание во власти неизбежно оборачивается потерей интеллигентности или поражением. Не случайно Анатолий Собчак заметил после нескольких месяцев пребывания на посту руководителя демократического Ленсовета: «Политика — удивительно грязное дело».

Очень интересны в этой связи и замечания Дмитрия Лихачева: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, коммерческих и даже просто карьерных. Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интел-

лигенции. Интеллектуальная свобода — всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Совесть является гарантом свободы интеллигента».

Может ли быть найдена новая формула использования интеллигенции — не в корыстных интересах власть имущих, а на благо общества и государства? Пока не известно. Возможно, власть когда-нибудь и научится выслушивать интеллигенцию во имя высших интересов страны, и тогда уподобится Богу. Но пока ей до этого далековато.

Быть может, отечественная интеллигенция возродится как разум и совесть страны. Другой сценарий развития — превращение российского этноса в обычный европейский народ, довольствующийся наличием интеллектуалов. Вопрос о судьбе российской интеллигенции остается пока открытым...

Дмитрий Лихачев оставил поистине бесценное наследие. Думается, что еще **не в полной мере оценен его литературоведческий вклад, что очень интересным будет осмысление его работ искусствоведами**, чем, собственно, и занимаются сейчас ученые нашего Университета; **происходит признание философского характера мышления Лихачева**. Об этом не писали, но у Дмитрия Сергеевича были очень непростые отношения с цехом философов; противоречия, носившие научный характер, переходили и в межличностную плоскость. Однако сейчас ведущие российские философы обоснованно говорят о том, что мышление Лихачева было философским по своей природе.

Совершенно не исследовано **педагогическое наследие великого ученого**, а ведь он написал много работ, чрезвычайно ценных для педагогики. Думаю, что в этой сфере будут написаны десятки диссертаций, как кандидатских, так и докторских.

Этические воззрения Дмитрия Сергеевича заслуживают особого внимания. У него есть специальная работа, посвященная этике научных трудов.

В заключение несколько слов о **Декларации прав культуры**, которая была разработана под руководством академика Лихачева группой ученых нашего Университета в 1995–1996 годах. Центральная ее идея: в культуре — смысл жизни человека. Каждый ищет ответ на этот вопрос сам. Дмитрий Сергеевич предлагает нам свою версию:

человек не может обрести смысл жизни вне культуры. По Лихачеву, права культуры должны встать в один ряд с правами человека.

Культура чрезвычайно важна для человечества, без нее нет ни отдельно взятой личности, ни малого народа, ни большого народа, ни государства. Из культуры нельзя вырвать какую-то ее часть. Она нуждается в охране и защите. И защита культуры должна стать делом всего мирового сообщества и предметом особой ответственности государства.

Декларация прав культуры — документ, который, я думаю, со временем обретет значение самостоятельного памятника культуры подобно Великой хартии вольностей или Декларации прав человека.

28 ноября 2006 года на территории Университета открыт памятник Дмитрию Сергеевичу Лихачеву работы выдающегося русского скульптора Григория Ястребенецкого. Я очень хочу, чтобы мы вместе со всеми присутствующими в этом зале отдали дань выдающемуся российскому мыслителю. Наши студенты — я очень рад этому обстоятельству — каждый день будут встречать Дмитрия Лихачева на своем пути к знаниям. Я надеюсь, что вы в своей жизни, образно выражаясь, не пройдете мимо фигуры выдающегося русского мыслителя, ученого, настоящего петербуржца, подлинного интеллигента и замечательного человека, друга нашего Университета.